

Е.С. ГЛАЗОВА

ФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ *VERSUS* НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: СЛУЧАЙ РУМЫНИИ

Румыния, постсоциалистическая страна юго-востока Европы, является одним из самых проблемных государств Европейского союза (ЕС). Выполнение к 2007 г. необходимых требований для вступления в ЕС и сам период членства не развеяли сомнений по поводу успеха ее «европеизации». Так, в докладе Европейской комиссии 2012 г. обращено внимание на недостаточную приверженность страны принципам верховенства закона и разделения властей, излишнюю поляризованность политической системы и недоверие между различными политическими структурами [On progress in Romania... 2012, p. 2–3]. Среди членов ЕС она имеет наихудшие показатели в области борьбы с коррупцией наряду с Италией, Болгарией и Грецией (69-е место из 177) [Corruption perceptions index, 2013]. В Индексе глобальной конкурентоспособности 2013–2014 гг. Румыния занимает 76-е место из 148 с очень низкими показателями по таким позициям, как «общественное доверие политикам» (141), «фаворитизм в принятии решений государственными чиновниками» (137) и «эффективность законодательства в разрешении споров» (128) [The global competitiveness report... 2013, p. 31, 341]. Формально она представляет собой премьер-президентскую республику с фрагментированной партийной системой [см.: Stepan, 2009, p. 67–91].

Румыния входит в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала [Human development report, 2013, p. 156] и с высоким средним доходом, но диспропорции между городом и

селем очень велики. В структуре населения стабильно высока доля сельских жителей (1991 г. – 46,7%, 2001 г. – 47,0, 2012 г. – 47,2%) [World development indicators, S.a.], однако бедность на селе превышает 70% (самый высокий показатель в ЕС) при безработице в 30%. Румыния справилась с последствиями глобального финансового кризиса 2008–2009 гг., но выход из него оказался тяжелым и длительным [Romania overview, S.a.]. В 2010 г. рост ВНД составил 0,9%, в 2011 г. – уже 2,1%, но в 2012 г. понизился до 0,5% [World development indicators, S.a.].

Если рассматривать ситуацию в Румынии в логике «ловушек развития» (П. Кольер [Collier, 2007]), то основную проблему, очевидно, представляет собой «ловушка дурного правления», причиной которой является несоответствие, а порой и антагонизм традиционных неформальных правил и практик и формальных институтов. На ее наличие указывают данные о коррупции, низкой эффективности судебной системы и пр. Другие ловушки (конфликтов, природных ресурсов и плохого соседства) не являются на сегодня актуальными: положение венгерского меньшинства урегулировано, доля сырьевой ренты в ВНД составляла в 2010–2012 гг. лишь 1,2–1,4% [World development indicators, S.a.], а участие в ЕС традиционно оценивается как безусловно положительный фактор.

Для анализа «ловушки дурного правления» необходимо, на наш взгляд, обратить внимание не только на текущие политические события, но и на особенности исторического развития румынской государственности и идентичности. Это позволит определить состояние и природу соперничества формальных и неформальных институтов. В итоге мы попытаемся оценить перспективы преодоления этой ловушки в современной Румынии.

Формирование румынской государственности: Конкуренция центров, западничество и почвенничество

Исторически Румыния представляла собой трансграничную периферию внешних династических центров: ее территории в разное время входили в состав Османской, Австро-Венгерской и Российской империй. Как современное государство она возникла в 1859 г. в результате объединения Валахии и Молдовы (до 1878 г. –

под османским суверенитетом). Третья ключевая для Румынии территория – Трансильвания – была присоединена в 1920 г. в результате распада Австро-Венгрии.

Укрепление экономических и культурных взаимосвязей румынских княжеств с западноевропейскими государствами датируется 30-ми годами XIX в. Переломным моментом для переориентации вектора их развития стали демократическая революция 1848 г. и деятельность пашоптистов¹. В целом европеизация для румын означала модернизацию политической, экономической и социальной сфер, а также отход от идей славянства и православия (Генеральный Синод был поставлен под контроль светской власти)².

В 1860–1870-х годах румынское государство во многом восприняло европейскую институциональную систему. Были проведены реформы по западным образцам: ограничены привилегии боярства, введены выборы в Национальное собрание и др. В 1864 г. были приняты Гражданский и Уголовный кодексы (первый – на основе французского, второй – французского и прусского кодексов). Однако аграрная Румыния с трудом усваивала западные нормы и стандарты: как отмечает Т. Биткова, «наряду с западническим формировалась почвенническая, традиционалистическая тенденция, которая была обусловлена усиливавшейся борьбой за государственное объединение и освобождение от турецкого владычества» [Биткова, 2003, с. 6].

Существование Великой Румынии, образованной после Первой мировой войны, отмечено кризисом идентичности. Общий курс на европеизацию и строительство нации-государства привел к обострению противоречий между различными культурными и политическими традициями «балканской» части с центром в Бухаресте и «европейской» Трансильвании, а также к формированию националистического дискурса. Отказ от конституционной монархии и многопартийной системы в пользу авторитарной диктатуры в 1940 г. стал наиболее полным воплощением традиционалистских настроений румын и мечты о «Великой Румынии». Фактически Румыния последовала за нацистской Германией, предложившей

¹ Пашоптисты – румынские эмигранты в европейских странах, развернувшие борьбу за национальное объединение.

² Автокефалия Румынской православной церкви признана Константинопольским патриархатом в 1885 г.

альтернативную модель политического развития [см.: Мелешкина, 2012, с. 101].

Противоборство между западнической и почвеннической традициями имело место и в социалистической Румынии. В первые послевоенные годы страна демонстрировала приверженность советской модели. Это продолжалось вплоть до хрущевской оттепели¹, когда стало возможным вновь внести на повестку дня вопрос о самоидентификации. Как пишет В. Джорджеску о периоде 1960–1965 гг., «группа Дежа с благоразумной осторожностью проводила реабилитацию старых понятий патриотизма и национальной самобытности, освобождая их от советизма и интернационализма...» [цит. по: Биткова, 2003, с. 16]. Наряду с этим румынское руководство предприняло серьезные шаги по улучшению политических связей с Западом и с третьими странами (не участвовало в изоляции Китая, сохранило дипломатические отношения с Израилем и др.), а также не поддержало введение советских войск в Чехословакию в 1968 г.²

В рамках курса на размежевание с Москвой Н. Чаушеску продолжил поиск национальной идентичности. Официальная версия румынской истории строилась вокруг четырех мифологических образов: это древние исторические корни, неизменность территории, единство и борьба за независимость [Petrescu, 2009, p. 85]. Возвращение к «местным традициям» означало обращение к этническому пониманию нации и ассимиляцию меньшинств. В 1968 г. была упразднена венгерская автономия, а в 1970-х годах выдвинута концепция «единой румынской социалистической нации» [Юго-Восточная Европа... 2007, с. 123].

В социалистический период Румыния совершила значительный прорыв с точки зрения социально-экономического развития, что в первую очередь было обусловлено членством в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ). Она подписала все основные документы СЭВ и участвовала в его важнейших международных проектах. Особая позиция по поводу введения общего планирования и специализации труда была вызвана как объективными выражениями румынских экономистов, так и ориентацией на при-

¹ В 1958 г. из Румынии были выведены советские войска.

² Одним из предлогов для дистанцирования от СССР был «бессарабский вопрос» [Юго-Восточная Европа... 2007, с. 118].

оритетное развитие тяжелого машиностроения. Последнее решение обусловило хроническое недофинансирование и отсталость сельского хозяйства и деревни в целом [подробнее см.: Zwass, 1989, р. 196–201]. Лавируя между Западом и Востоком, страна в 1971 г. присоединилась к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ), а в 1972 г. стала первым членом «восточного блока», вступившим в Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР).

После распада мировой системы социализма перед Румынией, как и перед другими членами блока, встал вопрос о путях политической и социально-экономической трансформации, который был решен в пользу «перехода через заимствование» западноевропейских институтов. В целом ЕС сыграл ключевую роль в трансформационных процессах в европейских странах бывшего социалистического лагеря. Как пишут С. Глинкина и Н. Куликова, перспектива членства в ЕС выполняла роль «внешнего якоря» в осуществлении сложных институциональных преобразований, причем политические мотивы оказались доминирующими при предоставлении той или иной помощи [Глинкина, Куликова, 2013, с. 5–6].

В случае Румынии выполнение интеграционных критериев [Accession criteria, S.a.] и адаптация институтов ЕС имели неоднозначные результаты. В целом Румыния позже, чем другие постсоциалистические страны, начала переговоры о вступлении в ЕС: после силового свержения режима Чаушеску из-за внутривнутриполитической борьбы ей было сложно определить свои стратегические позиции [подробнее см.: Юго-Восточная Европа... 2007, с. 159–163]. Решение о присоединении Румынии к ЕС было принято в 1996 г. только после согласования позиций всех политических сил. В конце 1999 г. вслед за активной поддержкой военных акций НАТО против Югославии Румыния наряду с Болгарией получила приглашение начать переговоры о вступлении, однако из-за отставания в реализации необходимых реформ им удалось стать членами ЕС лишь 1 января 2007 г.

Реформирование доставшейся в наследство от коммунистического периода судебной системы и борьба с коррупцией зависели от условий приема Румынии в ЕС. Принятые в 2003 г. поправки к Конституции [Constitution of Romania, 2003] и национальному законодательству предусматривают более либеральный подход к

использованию языков национальных меньшинств, гарантируют независимость судебной системы, лучшую защиту прав собственности, разрешают гражданам ЕС покупать земельные участки в Румынии и участвовать в муниципальных выборах. Однако Ф. Фризон-Роше обращает внимание на тот факт, что у Бухареста (как и у Софии) с самого начала отсутствовала «политическая воля» для проведения «истинных реформ». Так, уровень усвоения средств ЕС и МВФ в Румынии составляет 3,5%, что ставит ее на последнее место по этому критерию [Euractiv... 2012].

В политико-идеологической сфере после революции 1989 г. противостояние между западниками и почвенниками обострилось вновь. С одной стороны, румынское общество заявляло о своей приверженности западным ценностям и Европе, о чем свидетельствуют и шаги в сторону европейской интеграции. С другой – сторонники традиционализма вновь заговорили о необходимости сохранения национальной специфики и опасности западного влияния. В 1990-х годах националистические партии в качестве идеологии берут на вооружение «румынизм». Его защитники настаивают на особом румынском пути, отличном как от Запада, так и от России. Следование европейским нормам представляется для традиционалистов невозможным по причине православной ментальности румынского общества, Россия же несет непосредственную угрозу существованию Румынии. Востребованность идей румынизма свидетельствует о незавершенности национальной консолидации [см.: Кудряшова, Мелешкина, 2009, с. 46–47].

Наиболее высокая степень самоидентификации по национальному либо европейскому признаку является отличительной чертой центральных районов страны и Бухареста. В то же время самоопределение значительной части населения сельских районов строится на основе религиозной принадлежности или на уровне ближайшего субрегионального соседства.

Источники неформальных институтов и практик

Одной из важнейших характеристик румынской общественно-политической жизни является широкое распространение неформальных институтов и практик. Существует несколько мнений

относительно природы этого явления: одни относят его появление к периоду социализма, считая ответом на особые социально-экономические и политические условия, другие полагают, что это часть общего культурного наследия. Если следовать первому мнению, то по мере осуществления транзита эти институты должны были сокращать свое присутствие в политике, однако этого не произошло. Следовательно, речь идет о гораздо более длительной традиции. Определение источников неформальных институтов представляется весьма важным, поскольку позволяет правильно определить направление государственного строительства.

О. Грёделанд и О. Ошланд указывают на несколько «пластов неформальности» в европейских постсоциалистических странах, и в частности в Румынии. Во-первых, это история и национальная культура, где выделяются период иностранной зависимости (в Османской империи немусульманские меньшинства использовали неформальные практики как средство компенсации неблагоприятных условий) и постнезависимый период до перехода к строительству социализма. Новые политические образования, возникавшие на руинах империй в конце XIX – начале XX в., изначально были институционально слабыми и отличались властным произволом и сильной зависимостью от великих держав во внешней политике. Граждане были вынуждены уклоняться от законов и действий, воспринимаемых как нелегитимные, формируя практики решения дел прежде всего на основе «собственных усилий».

Во-вторых, это коммунизм. Возможно, влияние этого опыта оказалось столь прочным именно потому, что неформальное поведение, характерное для обществ несвободы и товарного дефицита, вписалось в ранее заложенную традицию.

В-третьих, это особенности транзита и позднее вступление в ЕС. Для Румынии после свержения диктатуры был характерен низкий уровень политического консенсуса. Реформы пытались проводить неготовые к ним бывшие коммунисты и политически неопытная оппозиция. Ситуацию осложняли проблема венгерского меньшинства в Трансильвании и молдавский вопрос. Медленное и неуверенное реформирование не позволяло укрепить новые государственные институты и продолжало ослаблять и без того слабую экономику. Сам процесс адаптации к интеграционным

требованиям ЕС совпал с началом выхода из экономического кризиса [см.: Grødeland, Aasland, 2007].

Еще одним источником неформальности можно считать румынскую деревню. Выше мы упоминали, что число сельских жителей в стране составляет около половины населения и демонстрирует тенденцию к росту. Деревня в период модернизации выступает хранителем традиционных ценностей и норм, поддерживая партикуляризм. По мнению А. Мунгиу-Пиппиди, наложение коммунизма на традиционные аграрные общества привело к возникновению неотреформированных, или статусных, обществ, управляемых неписаными правилами в большей степени, чем формальными законами [Mungiu-Pippidi, 2003, p. 266].

Таким образом, устойчивость неформальных институтов в Румынии можно объяснить историко-культурным наследием, коммунистическим опытом, спецификой социальной структуры, особенностями транзита и поздним по сравнению с соседями вступлением в ЕС. Также нужно отметить и тот факт, что сфере неформальной политики уделялось и уделяется не так много внимания по сравнению с усилиями по изменению формальных правил и норм.

«Ловушка дурного правления» в румынском контексте

В Румынии функционирование доведенных до европейского уровня формальных институтов не отличается эффективностью, несмотря на высокую политическую конкуренцию. После присоединения к ЕС, выполнив необходимые требования, страна вступила в полосу затяжного политического кризиса, который продолжается до настоящего времени. Прежде всего он выражается в конфликте между президентом и парламентом.

В апреле 2007 г. президент Т. Бэеску, избранный в 2004 г. лидер правоцентристской Демократической партии (ДП), был отстранен от должности решением обеих палат парламента по обвинению в превышении должностных полномочий, однако референдум не поддержал его уход. Многие эксперты считают, что причиной конфликта стало личное противостояние президента и премьер-министра в 2006 г., когда последний не согласился на проведение досрочных парламентских выборов. Позже глава пра-

ительства К. Попеску-Тэричану¹, представлявший Национально-либеральную партию (НЛП), высказался за немедленное выведение войск из Ирака, с чем не был согласен президент. Распад коалиции НЛП и ДП, сформированной в 2004 г., привел к исключению представителей ДП из состава правительства. Президент объявил правительство незаконным, однако впоследствии был вынужден его утвердить [см.: Viehmann, 2007].

В результате парламентских выборов 2008 г. была сформирована разнородная коалиция из представителей Социал-демократической партии (СДП) и Консервативной партии (КП), с одной стороны, и Демократической либеральной партии (ДЛП)² – с другой. Она получила 70% голосов в свою поддержку в парламенте, однако продержалась только до сентября 2009 г, когда СДП и КП вышли из правительства. В октябре 2009 г. правительству Э. Бока был объявлен вотум недоверия, инициатором которого стала СДП после представления премьером поддержанного президентом пакета антикризисных мер «для спасения Румынии» [Парламент Румынии... 2010].

Также на общественно-политической атмосфере в стране сказалось давление антикоммунистических сил. Результатом навязчивой антикоммунистической риторики явилось осуждение парламентом «коммунистической системы» в Румынии.

Следующий этап обострения политической борьбы пришелся на 2012 г., когда в феврале в отставку ушло второе правительство Бока, утвержденное в декабре 2009 г. Ему предшествовала реализация серии крайне непопулярных мер, необходимых для получения кредитов от МВФ. Следующее правительство продержалось около трех месяцев. Причиной вынесения вотума недоверия стала объявленная программа приватизации. В результате в мае 2012 г. парламентское большинство в составе СДП и НЛП, сформировавших еще в феврале 2011 г. Социально-либеральный союз (СЛС), утвердило новое левоцентристское правительство во главе с В. Понтой. С этого момента противостояние между правительством и парламентом, с одной стороны, и президентом – с

¹ В марте 2014 г. К. Попеску-Тэричану избран председателем румынского Сената.

² Демократическая либеральная партия (ДЛП) образована в 2007 г. вследствие слияния президентской Демократической партии и Либерально-демократической партии.

другой, вошло в критическую фазу (например, члены Конституционного суда (КС) были объявлены предвзятыми и зависимыми от мнения Бэеску) и привело к повторному объявлению импичмента и вынесению вопроса на всенародный референдум. Однако референдум был признан КС несостоявшимся из-за недостаточной явки избирателей [Румыния: политические бои... 2012]. Бэеску, несмотря на высокую степень общественного недоверия, не намерен покидать свой пост раньше срока [Костюк, 2012].

Острота межпартийной борьбы и постоянные «разоблачения» конкурентов в румынском случае не свидетельствуют о прозрачности политических институтов. По данным неправительственного Института публичной политики, законодательные и исполнительные органы нарушают право на информацию: остаются недоступными списки поименного голосования в Палате депутатов и в Сенате, сведения о содержании и льготах депутатов и др. [Transparency in public... 2009]. Одновременно фиксируется падение уровня политического участия граждан, что, по мнению экспертов, свидетельствует о деградации представительной демократии в Румынии и незаинтересованности партий в мобилизации электората [If the actual race... 2009]. Даже на волне широких социальных протестов против мер жесткой экономии в 2012 г. уровень участия в парламентских выборах составил 41,7% (в 2008 г. – 39,2%). В выборах в Европарламент в 2009 г. приняли участие 27,67% граждан (2007 г. – 29,47%) [Voter... S.a.].

Анализ имеющихся данных подтверждает, что политическую борьбу в Румынии можно охарактеризовать как борьбу клик за контроль над ресурсами. Дж. Гледхилл и Р. Гросеску считают, что клиентелистские сети, пронизывающие всю страну, сформировались еще в эпоху Чаушеску и пережили транзит практически неизменными [Gledhill, 2010; Grosescu, 2004].

Сегодня политологи признают, что политический клиентелизм не исчезает с демократизацией, но видоизменяется. Г. Китчелл и С. Уилкинсон предлагают новое определение клиентелизма как транзакции, в рамках которой происходит «прямой обмен голоса гражданина на прямой платеж или продолжительный доступ к занятости, товарам и услугам» [Kitschelt, Wilkinson, 2007, p. 8].

Клиентелизм, как отмечает К. Волинтиру, искажает принцип соревновательности и снижает шансы оппозиции на завоевание

власти, ведет к популизму, экономической неэффективности и коррупции. Она выделяет два индикатора широкого распространения клиентелизма в обществе: программная «несвязанность» партии и высокий уровень коррупции [Volintiru, 2010].

Мы отмечали выше высокий уровень румынской коррупции, несмотря на борьбу с ней в рамках интеграционных процессов в ЕС. В 2013 г. наиболее коррумпированными институтами румыны назвали политические партии и парламент (из 12 возможных) [Global corruption barometer, 2013].

Что касается программной «несвязанности», то у нее есть два измерения: несвязанность между политическим предложением партий и идеологическими / программными позициями и между политическим спросом электората и его идеологическими / программными предпочтениями.

Так, парламентские выборы 2008 г. свидетельствуют, что румынская партийная система не в состоянии выработать политические предложения с четкими идеологическими различиями. Если такие идеологические антагонисты, как СДП (левые) и ДЛП (либеральные консерваторы), смогли прийти к соглашению о разделе власти, то, очевидно, оппортунизм и собственная выгода победили приверженность идеологическим позициям и предвыборным обещаниям. На последних президентских выборах левые нашли себе еще «более правого» союзника – НЛП.

Неоднозначная ситуация возникает и с идеологическими предпочтениями электората и политическим спросом. С одной стороны, 57,2% румынского населения утверждают, что их электоральный выбор основывается на программах, которые предлагают кандидаты. С другой стороны, 41% не могут идеологически определиться, а 5% голосуют вразрез со своими идеологическими убеждениями [Volintiru, 2010, p. 8–9]. Косвенно о «несвязанности» свидетельствуют невысокий уровень политического участия и недоверие к партиям и легислатуре.

Необходимо также отметить принципиальное различие между программными и клиентелистскими политическими действиями в сфере распределения ресурсов. В первом случае распределение диктуется предвыборной платформой партии / кандидата, т.е. теоретически сторонники / избиратели этой партии / кандидата получают больше благ (по сравнению с индивидуальным вознаграж-

дением) просто потому, что их политические предпочтения будут реализованы. В такой ситуации депутаты разрабатывают законы, чтобы удовлетворить ожидания своих избирателей, но законы применяются недифференцированно и недискриминационно, поэтому в результате получить те или иные блага может очень большая группа населения [Kitschelt, Wilkinson, 2007]. В рамках клиентелистского обмена «свои» избиратели получают отдельные блага как вознаграждение за поддержку, которое может иметь как краткосрочный (деньги, подарки), так и долгосрочный (должности, назначения, преференциальный доступ к товарам и услугам) характер [Volintiru, 2010, p. 10–11].

Экстраполируя указанные программные / клиентелистские взаимосвязи на предвыборный процесс, можно сделать вывод, что программные связи образуют формальную электоральную систему (ФЭС), а клиентелистские – параллельную электоральную систему (ПЭС). Обычно в политической системе можно найти элементы как ФЭС, так и ПЭС, однако данные связи по определению находятся в конкурентных отношениях друг с другом, и чем выше степень демократизации общества, тем меньшую роль играет ПЭС.

В Румынии, как указывает К. Волинтиру, ПЭС оказывает существенное влияние на генерирование политических результатов. По существу, речь идет о формировании клиентелистских сетей, которые политические деятели в анонимных интервью называют крайне желательными связями, составляющими основу функционирования системы выборов в стране. Формируются такие сети по типу «снежного кома»: добровольцы, представляющие ту или иную партию, первоначально составляют списки бенефициариев из своих друзей и коллег, те, в свою очередь, вовлекают в транзакции своих знакомых и т.д. Такой тип обменов не предполагает постоянных отношений (работа, государственные контракты, налоговые льготы), но и не является краткосрочным, поскольку регулярно воспроизводится. Характер формирования связей и распределения благ обуславливает большее значение муниципальных выборов по сравнению с национальными [Volintiru, 2010, p. 11–14].

Заключение

Клиентелизм является ведущей неформальной политической практикой Румынии, источником которой выступают многочисленные «пласты неформальности» и объективные социально-экономические трудности. В силу своего конкурентного характера он не обладает потенциалом комплементации и аккомодации к существующей формальной институциональной рамке¹. В нашем исследовании мы понимаем основную стратегию преодоления «ловушек развития» как получение формальными и неформальными институтами совместимых целей и обретение комплементарности. Такая стратегия оказывается на настоящий момент недостижимой вследствие вступления страны в ЕС. Императивный характер экзогенных трансформаций не позволяет учесть социокультурные и историко-политические особенности Румынии и найти сбалансированный вариант реформ.

Официально Румыния взяла на вооружение стратегию «вытеснения» неформальных правил и практик, но при невысокой эффективности государственных институтов и ограниченном влиянии западноевропейских культурных ценностей, а также благодаря специфике социальной структуры клиентелистские нормы и практики оказываются по меньшей мере не слабее формальных. На настоящем этапе можно констатировать возникновение парадоксальной «ловушки хорошего соседства», поскольку жесткие требования и критерии ЕС не позволяют конкурентным институтам существовать в более мягкой, аккомодационной форме и способствовать решению проблем социального взаимодействия и координации. Ощущение политического тупика закрепляется в политическом дискурсе неординарными новациями политического класса: в 2013 г. президент Бэеску выступил за проведение референдума о восстановлении монархии (по данным опросов, эту идею поддерживает почти пятая часть румын) [В Румынии прошла... 2013].

¹ Типы взаимодействия формальных и неформальных институтов в процессе ускоренной модернизации выделены в работе Х.-Й. Лаута [Lauth, 2000].

Литература

- Биткова Т.Г.* Румыния и Европейский союз: Идеология сближения и интеграции: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. – М., 2003. – 73 с.
- В Румынии прошла акция с требованием восстановить монархию. – 2013. – 10 ноября. – Режим доступа: http://news.liga.net/news/world/921364-v_rumynii_proshla_aksiya_s_trebovaniem_vosstanovit_monarkhiyu.htm (Дата посещения: 6.04.2014.)
- Глинкина С.П., Куликова Н.В.* Трансформация и ее социально-экономические эффекты в Центральной и Восточной Европе // Белорусский экономический журнал. – Минск, 2013. – № 3. – С. 4–17.
- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Этнические меньшинства и нациестроительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. – № 2 (5). – С. 45–55.
- Костюк Р.* Интервью с Виктором Кристеа: «Чаушеску лежит в земле более 20 лет, а румынский народ продолжает страдать» // Sensus Novus. – 2012. – Режим доступа: <http://www.sensusnovus.ru/interview/2012/08/21/14276.html> (Дата посещения: 24.03.2014.)
- Мелешкина Е.Ю.* Формирование новых государств в Восточной Европе / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – 252 с.
- Парламент Румынии приступил к обсуждению вопроса об отставке правительства Э. Бока // ПРАЙМ-ТАСС. – М., 2010. – 15 июня. – Режим доступа: <http://commerce.1prime.ru/news/0/%7B71182108-1941-4377-B845-415257DA5BE1%7D.uif> (Дата посещения: 24.03.2014.)
- Румыния: политические бои без правил // Euronews. – 2012. – 27 июля. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2012/07/27/romania-power-struggle-between-president-and-pm/> (Дата посещения: 24.03.2014.)
- Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / Отв. ред. А.А. Язькова; ИЕ РАН. – М.: Весь мир, 2007. – 352 с.
- Accession criteria / European Commission. – Brussels, S.a. – Mode of access: – http://ec.europa.eu/enlargement/policy/glossary/terms/accession-criteria_en.htm (Дата посещения: 28.03.2014.)
- Collier P.* The bottom billion: Why the poorest countries are failing and what can be done about it. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2007. – 205 p.
- Constitution of Romania // Palatul Parlamentului. – Bucharest, 2003. – Mode of access: <http://www.cdep.ro/pls/dic/site.page?id=371> (Дата посещения: 05.03.2014.)
- Corruption perceptions index, 2013 / Transparency international. – Berlin, 2013. – Mode of access: <http://cpi.transparency.org/cpi2013/results/> (Дата посещения: 26.03.2014.)
- Euractiv: Принятие Болгарии и Румынии в ЕС было правильным // NewsBG.ru. – 2012. – 3 января. – Режим доступа: <http://www.newsbg.ru/obschestvo/89-obschestvo/3368-euractiv-prinjatie-bolgarii-i-rumynii-v-es-bylo-pravilnym.html> (Дата посещения: 21.03.2014.)
- Gledhill J.* Three days in Bucharest: Making sense of Romania's transitional violence, 20 years on // Europe-Asia studies. – L., 2011. – Vol. 63, N 9. – P. 1639–1669.

- Global corruption barometer, 2013 / Transparency international. – Berlin, 2013. – Mode of access: http://www.transparency.org.ru/component/docman/doc_download/481-gcb-2013report (Дата посещения: 16.05.2014.)
- Grødeland Å.B., Aasland A.* Informality and informal practices in East Central and South East Europe // CERC working papers. – Melbourne, 2007. – N 3. – Mode of access: http://www.academia.edu/3058305/Ase_B_Grodeland_and_Aadne_Aasland_Informality_and_Informal_Practices_in_East_Central_and_South_East_Europe_CERC_Working_Paper_Series_No.3_2007# (Дата посещения: 15.12.2013.)
- Grosescu R.* The political regrouping of the Romanian nomenclatura during the 1989 revolution // Romanian journal of society and politics. – Bucuresti, 2004. – Vol. 4, N 1. – P. 97–123.
- Human development report 2013 / UNDP. – N.Y., 2013. – 203 p. – Mode of access: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/14/hdr2013_en_complete.pdf (Дата посещения: 25.03.2014.)
- If the actual pace of degradation of representative democracy in Romania continues, it's possible that no Romanian will vote in the elections to come / Institute for public policy. – Bucharest, 2009. – 4 June. – Mode of access: <http://ipp.ro/eng/pagini/if-the-actual-pace-of-degradation-of-rep.php> (Дата посещения: 11.03.2014.)
- Kitschelt H., Wilkinson S.I.* Citizen-politician linkages: An introduction // Patrons, clients and policies: Patterns of democratic accountability and political competition / Ed. by Kitschelt H., Wilkinson S.I. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – P. 1–49.
- Lauth H.-J.* Informal institutions and democracy // Democratization. – L., 2000. – Vol. 7, N 4. – P. 21–50.
- Mungiu-Pippidi A.* Corruption or state failure? // The informal economy in the EU accession countries: Size, scope, trends and challenges in the process of EU enlargement / Ed. by B. Belev. – Sofia: Center for the study of democracy, 2003. – P. 265–282.
- On progress in Romania under the cooperation and verification mechanism: Report / European Commission. – Brussels, 2012. – 18 July. – 23 p. – Mode of access: http://ec.europa.eu/cvm/docs/com_2012_410_en.pdf (Дата посещения: 25.03.2014.)
- Petrescu D.* Continuity, legitimacy and identity: Understanding the Romanian august of 1968 // Cuadernos de historia contemporánea. – Madrid, 2009. – Vol. 31. – P. 67–86. – Mode of access: <http://revistas.ucm.es/index.php/CHCO/article/viewFile/CHCO0909110069A/6703> (Дата посещения: 12.04.2014.)
- Romania overview / The World Bank. – Washington, DC, S.a. – Mode of access: <http://www.worldbank.org/en/country/romania/overview> (Дата посещения: 25.03.2014.)
- Stepan A.M.* Democratization and securitization: The case of Romania. – Leiden: Brill, 2009. – 338 p.
- The global competitiveness report 2013–2014: Full data edition / Ed. by K. Schwab. – Geneva, 2013. – 551 p. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf (Дата посещения: 25.03.2014.)
- Transparency in public institutions has reached an alert level! How every stratagem is being used to avoid publishing information of public interest about funds, decisions and benefits / Institute for public policy. – Bucharest, 2009. – 14 April. – Mode of

- access: <http://ipp.ro/eng/pagini/transparency-in-public-institutions-has-.php> (Дата посещения: 11.03.2014.)
- Viehmann C.* Romania: Crisis and impeachment // ISN ETH Zurich. – Zurich, 2007. – 25 April. – Mode of access: <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Articles/Detail/?lng=en&id=53169> (Дата посещения: 10.03.2014.)
- Volintiru K.* Clientelism and democratic accountability // PSA graduate network conference. – 2010. – December. – Mode of access: <http://www.sar.org.ro/wp-content/uploads/2012/01/Clientelism-and-Democratic-Accountability.pdf> (Дата посещения: 22.03.2014.)
- Voter turnout data for Romania / IDEA. – S.a. – Mode of access: <http://www.idea.int/vt/countryview.cfm?CountryCode=RO> (Дата посещения: 11.03.2014.)
- World development indicators / The World Bank. – S.a. – Mode of access: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators> (Дата посещения: 25.03.2014.)
- Zwass A.* The council for mutual economic assistance: The thorny path from political to economic integration. – N.Y.: M.E. Sharpe, 1989. – 269 p.